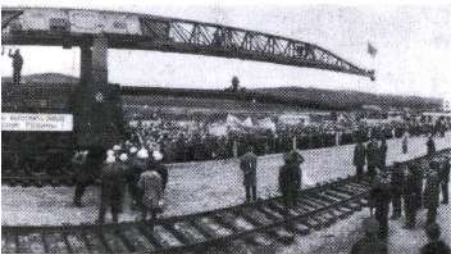

8 КРУГОГОР 75

В дни празднования 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Леонид Ильич Брежнев от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза горячо поздравил один из многочисленных отрядов строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали «с первой трудовой победой — досрочным выполнением больших объемов строительных работ на железнодорожной линии Бам — Тында в сложных условиях необжитого таежного края и открытием рабочего движения поездов на пять месяцев раньше установленного срока».

Укладка последнего, «серебряного», звена на линии Бам — Тында. Фото ТАСС.

Достоинно
 С отцами, породнились мы судьбой
 победившими войну.
 Нам тоже выпал свой
 священный бой
 За трассу БАМ,
 за Нефть,
 за Целину.
 Чтоб за спиной остался
 четкий след,
 Чтоб свет,
 до нас зажженный,
 не погас,
 Чтоб там,
 в Коммуне,
 за громадой лет
 Потомки наши
 продолжали нас!

Фоторепортаж с ветки Бам — Тында — на 2—3-й страницах.

¡AVANTE! ЗНАЧИТ — ВПЕРЕД!

КОММУНИСТ — ЭТО БОЕЦ

2

На второй звуковой странице, которую подготовил специальный корреспондент «Кругозора» Валентин Скорятин, вы услышите голос Алваро Куньяла — вождя португальских коммунистов, документальные записи, сделанные на улицах свободного Лиссабона, и песни, впервые записанные на граммофонные диски в мае 1974 года, песни, которые до этого в Португалии пели только шепотом.

Рисунок А. Платонова

Товарища Алваро Куньяла я увидел в майский вечер под сводами лиссабонского Дворца спорта, где проходила первая национальная встреча трудящейся молодежи. В окружении боевых соратников Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии поднялся на трибуну. Что творилось в зале! Отовсюду несло: «Вива Куньял!», «Вива компартия!». Обняв за плечи солдата и матроса, с трудом сдерживая волнение, седовласый рыцарь революции всматривался в бушующий зал.

Что думал он в эти минуты, человек, без остатка отдавший себя освобождению родины, от которой был оторван долгие четырнадцать лет эмиграции? Человек, прошедший через одиннадцать лет тюрем, пыток, нечеловеческих испытаний... Не зря были принесены все жертвы, если у Португалии такая молодежь.

Меня познакомили с товарищем Куньялом. Напоминаю ему об одном вечере во Дворце пионеров на Ленинских горах, где он выступал.

— Выступать у вас в стране приходилось часто,— говорит товарищ Куньял.— Перед коммунистами, перед комсомольцами, на заводах и в университетах, в воинских частях. Но тот вечер в пионерском клубе интернациональной дружбы помню хорошо. Передайте мой самый сердечный привет пионерам!

...Для коммунистов при салазаровцах было только два типа заключения: или камера пыток, или одиночка. Пытка одиночеством была страшней любых истязаний. «Я могу сравнить,— сказал однажды Куньял,— и поэтому заявляю, что год изоляции не менее тяжел, чем избиения». Палачи это знали. В одиночке крепости Пенише они держали мужественного коммуниста целых восемь лет. Чтобы вынести изоляцию, нужна негибаемая воля. Сходят с ума два молодых печатника из подпольной типографии «Аванте!» (газета компартии). Куньял выдержал все.

Партия решила освободить своего вождя. Была проведена титаническая подготовительная работа. Удалось установить связь с часовым площадкой третьего этажа тюрьмы Жозе Алвишем. Этот порту-

гальский солдат-патриот, покоренный мужеством и стойкостью Куньяла и его товарищей, решил помочь коммунистам. Через него были переданы узникам оружие, отмычки, хлороформ. Хлороформ предназначался тюремному надзирателю.

3 января 1960 года, усыпив и связав его, десять смельчаков выбрались на тюремный двор. Поодиночке, ползком — часовым приказано стрелять в любого, появившегося в неполюженном месте,— добрались до поста, где стоял Жозе Алвиш. Он по очереди прятал каждого под лапами своего длинного плаща. И, будто бы совершая обычный обход, доводил до двадцатиметровой стены. С помощью связанных простыней все десять спустились на волю. Одинокие прохожие молча наблюдали с улицы за побегом. Никто не подал сигнала тревоги.

Последним спустился со стены сам часовой. Позднее он обратился с письмом к своим товарищам-солдатам: «Порвите с врагами народа! Помните, что вы вышли из народа и, значит, принадлежите народу! Не выступайте против народа, не поднимайте оружие на тех, кто дал вам жизнь!»

Через четырнадцать лет эти слова были услышаны. Армия, поддержанная народом, повернула штыки против фашистских палачей.

...Ярким, солнечным днем обхожу мрачную темницу. Еще и еще раз представляю воочию всю смелость и отчаянность побега товарища Куньяла и его соратников. Мысленно совершаю весь их путь. От одиночной камеры, в которой Алваро Куньял куском известки писал на полу свою защитительную речь. Добившись угрозой голодовки права писать, он работал по двенадцать часов в сутки. Из-под его грифеля вышел труд «Очерки по аграрному вопросу». Здесь, в тюрьме, написаны работы по эстетике и истории и даже научно-фантастические рассказы. Палачи были бессильны парализовать и сковать его высокий дух, сломить его волю...

П. МИХАЛЕВ.
сборник «Комсомольской правды»
Лиссабон

ОТ БОЯРКИ КОРЧАГИНСКОЙ...

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

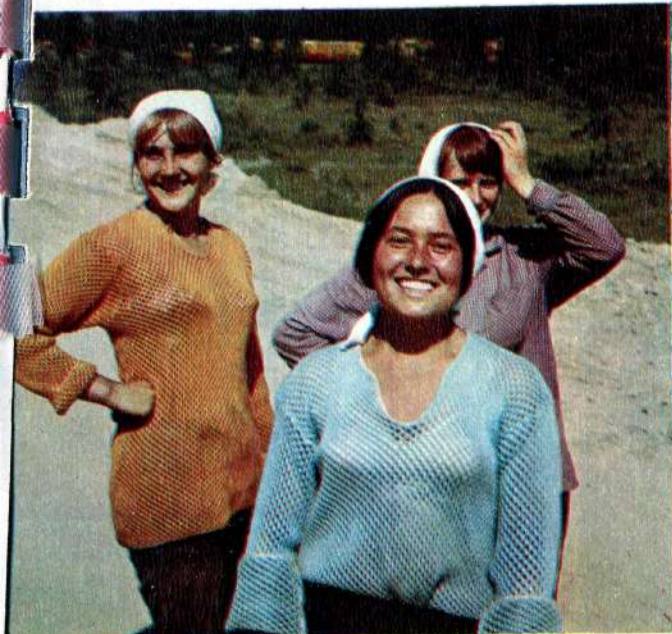
Я покупаю «Кругозор» с 1970 года. Что-то вы в последнее время не часто помещаете песни-репортажи. Я хочу услышать песню-репортаж о БАМе.

А. Елецкий
Село Ключи. Алтайский край

Фотоочерк Алексея Лидова, документальные записи Юрия Никифорова и песня Бориса Вахнюка, помещенные на звуковой странице,— это сегодняшний БАМ, его будни и праздники, помеченные словом «первый».

Первые свадьбы.
Первый поезд на ветке Бам—Тында, пущенной в канун 30-летия Победы, и первый эшелон, связавший эту ветку со столицей и незримо с комсомольской узкоколейкой Павки Корчагина...

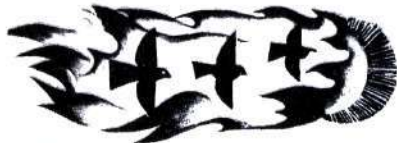

ПОЛДЕНЬ

У деревьев от зноя слипаются ветви.
Ветра ждут они,
в небо с надеждой глядя.
Но не может помочь им
рассеянный ветер:
Задевал он куда-то гребенку дождя.
Ветер ищет ее, не теряя терпенья,
А деревья
не в силах так долго терпеть,
В печке полдня пылают они,
как поленья,
А ведь выросли,
чтобы качаться и петь.
Да и птицам уже не по силам такое:
Стриж обуглился,
дрозд превратился в пятно...
Я бреду через лес.
Даже сосны с тоскою
Кличут ветер.

А я уж не ветер давно.
Это раньше я был им
и мог очень просто
Тучу вызвать,
черкнувши по небу пером.
А теперь на меня
уповать уже поздно:
По утопанной тропке
шагаю с трудом.
Мне сейчас до лежанки бы только
добраться.
Запинаются ноги,
и сердце тук-тук...
А еще этот полдень
от ярости красный
Заступает мне путь,
как взбешенный индюк...

ЛИВЕНЬ

Так лет,
что в воздухе уже могли бы
Прижиться рыбы. Грузно по листве
Проходят волны. Всклипывают липы
И воют ивы в ливневой Литве.

Как будто бы плаксивую пластинку
Заело вдруг и нет на свете рук,
Чтоб с диска снять
и отнести в починку
Непросьяхающий небесный круг.
И без умолку—

стоны, вздохи, всхлипы,
И безутешный рев, и дикий визг!
И только клен,
как деревенский хиппи—
Вздохмаченный,—отплясывает твист.
Уже и клумба под водою скрылась,
Не стало грядок, луга не видеть,
И дома у меня уже не сырость,
А плотная, дремучая мокрядь.
И отовсюду—всхлипы без умолку!
Ей-богу, никакого нет житья!
Весь день кручу на кухне кофемолку,
Чтоб не заснуть от этого нытья.

Да что же вы?!
Не знать бы горших бедствий!
Смотрите, как беспечно пляшет клен.
...Но отсыревшее плеснуло сердце,
И в грудь кольнуло
острым плавником...

ВСТРЕЧА

Кому-то доверчиво отдал олень
Свой дивный венец золотистый,
И по лесу бродит
пугливый, как тень,
И собственной тени боится.
Не может он сочную ветку пригнуть—
Остался опять без обеда.
И нечем бедняге теперь припугнуть
Забывшего совестя соседа.
Какой безрассудный поступок:

отдать
Рога—золотую корону!
Мгновенно умножилась недругов рать.
Бойтся он даже ворону.

Вчера еще столь замечательный мир
Ощерился нагло и люто,
И он, как роднею затравленный Лир,
Нигде не находит приюта.

Как трудно играть ему жалкую роль
С такою наружностью гордой...
И вот мы встречаемся—
бывший король
И я, рыболов худородный.

— Не надо,—ему говорю от души,—
Бродить с неприкаянным видом.
Былое забудь, о рогах не тужи,
А лучше доверься копытам

И сможешь любую напасть одолеть...
Но хмуро глядят исподлобья
Безрогий олень, безутешный олень—
Само воплощение скорби.

Безмерно горюет лесной государь,
Свершив роковую ошибку,
Не меньше, пожалуй,
чем бедный пескарь,
Мою проглотивший наживку...

ДЯТЕЛ

Кто это багряный хохолок
вздохматил?
Это он, конечно,
работяга-дятел!

А еще не встало
солнце над опушкой.
Спит петух, и дремлют
ходики с кукушкой.

Звездами,
как солью, небосклон посыпан,
И еще, пожалуй,
с полчаса проспит он.

На перине мшистой
бор сопит беспечно.
Но запрыгал дятел,
точно пламя в печке!

Вспыхнул алый огонек
в темной топке августа.
Самый первый на земле
Дятел просыпается.

Малое создание
С рыжеватой прядкой,
Но зато как трудится
В топке необъятной!

Подлетели щепки
Из-под лапок потных.
Знаете, кто дятел?
Лучший в мире плотник!
А теперь проносится
Дробный стук по чаще.
Это на машине
Он стихи печатает.

ПОЛНОЧЬ

Мы наедине остались. Будто
После свадьбы. На столе свеча.
Рядом с нею разгорелась трубка.
Все ушли. Забрали и сверчка.
Ну и ночь. Глухой поры образчик.
Разговаривать разрешено
Только шепотом. Дыханьем спящих
— Что там? — Астры ломаясь в окне
Нас с тобой умасливает месяц.
Лицедей. Небесная змея.
Это он в окне с букетом лезет.
Липнет. Набивается в друзья.
Бодрячок. Ничто. Набор ухмылок.
Он еще недавно был нулем.
А теперь он фон-барон. Обмылок.
— Это все о месяце? — О нем.
— Странно.
— Что же странного ты видишь?
— Нету смысла в ярости твоей.
Словно человека ненавидишь.
— Человека? Я люблю людей.
А его, мошенника, мерзавца,
Ненавижу. Черт бы взял его.
Он, ей-богу, сделан из эрзаца.
От такого можно ждать всего.
Так сидим и спорим приглушенно
В зыбких бликах трубки и свечи —
Два уже седых молодожена
В августовской астровой ночи.

Перевел с литовского Л. Мил

Рисунки Н. Серебрякова

*„и вновь
волнения
не прячу“*

**Послушайте
стихотворения
Сергея Дрофенко,
которые читают
его друзья.
Пятую звуковую
страницу,
в которую
включена
сохранившаяся
запись голоса
поэта, ведут
О. Дмитриев,
Б. Холопов,
Ю. Апенченко
и Е. Сидоров.**

Журнал «Юность» неразрывно связан для меня с именем Сергея Дрофенко.

В редакции на улице Вороского наши комнаты были рядом. Я заведовал критикой «Юности», Сергей в течение шести лет возглавлял поэтический отдел. Целый день по коридору шли поэты — молодые и старые, прославленные и неизвестные. Они втискивались в маленький кабинет, не обязательно с рукописями за пазухой, чаще всего просто поговорить, почитать стихи. Хорошие люди тянулись к Дрофенко.

В 1966 году вышла первая и единственная прижизненная книга его стихотворений — «Обращение к маю». Позднее вышел сборник «Зимнее солнце», бережно составленный друзьями. Эта книга открыла читателю духовный мир редкой нравственной цельности.

Знал ли он себя сам?

Я читаю стихи, вспоминаю его голос, и передо мной раскрывается жизнь человека, который больше всего ценит в людях бескорыстие.

Да, он знал себя, верил в себя, как бы ни обманывала нас его скромность. В последние годы он ощущал себя истинным поэтом, и это давало ему смелость осуществлять свою судьбу в поэтических строках.

Талант Сергея Дрофенко в основе своей был светел, музыкален, артистичен. Его стихотворения наполняют жизнь, природа. Природа воодушевлена, она в движении, перетекает в человека, и человек перетекает в нее:

Медлительны и нелюдимы,
по взбудораженной реке,
сшибаясь, проплывают

льдины

и исчезают вдалеке.

Мир тонет в гомоне и гаме,
и видно в полдень голубой,
что не река под берегами,
а берега плывут с тобой.

Чего не вспомнишь

в ясный полдень,

когда уходят холода,
и сам ты новизной наполнен,
как эта быстрая вода.
Стою один. Смеюсь и плачу.
Встречаю облака полет.
И вновь волнения не прячу,
как гибели не прячет лед.

Сергей и жил, как настоящий поэт: был верен в дружбе, благороден в поступках, мужествен в своей работе. Что такое мужество писателя? Иногда эти слова понимают упрощенно, имея в виду лишь собственно гражданскую сторону творчества и деятельности. Но мужество писателя не только в этом. Высшее мужество — писать правду, бороться с сопротивлением белой немоты листа и бояться оквернить эту немоту ложью, пустя и невольной. Мужество писателя в том, чтобы дойти в своем творчестве до того предела искренности, когда кажется, что искусства уже нет и вовсе, а «дышат почва и судьба».

Сергей Дрофенко — поэт мужественный, не позволявший себе унижаться до неправды. Скоропостижная смерть в 37 лет оборвала жизнь, нравственное значение которой мы только сейчас осознаем.

...В отличие от многих он не любил читать вслух свои стихи. Но я никогда не забуду, как вдохновенно звучал его негромкий голос, когда он читал Пушкина, Пастернака, Межирова. Слушая его, и самому хотелось читать вслух любимые строки, как бы возвращая товарищу подаренные радостные минуты искусства.

Евгений СИДОРОВ

«Если вы хотите встретить XXI век с уверенностью предков, доверьтесь луку». Только ли рекламная броскость в этом популярном во многих странах призыве? «Лук помогает человеку надолго сохранять подвижность, энергию, свою связь с природой», — говорят на четвертой звуковой странице советские лучницы: чемпионки мира московский инженер Эмма Гапченко и студентка Душанбинского пединститута Зебуниссо Рустамова, львовский врач Валентина Ковчан, аспирантка Таллинского политехнического института Эндла Липре.

Фото А. Бочинина и автора

СПОРТИВНАЯ ДОБЛЕСТЬ

СТРЕЛЫ ЛЕТЯТ В ЦЕЛЬ

На рекламном плакате Аэрофлота молодая амазонка—колчан у пояса, лук в левой руке—смотрит вслед умчавшейся «стреле» с контурами реактивного лайнера. Фантазия художника соединила символы скорости разных веков. Но стрела, летящая в цель, сегодня не только деталь художественной символики. В этом убеждают фотографии, которые вы видите на полосе журнала. Они сделаны недавно в Лужниках на соревнованиях лучников. Не попал в объектив лишь обыкновенный дорожный светофор. Зажегся на две минуты «зеленый» — и рой стрел летит к цели. «Желтый» предупреждает: до конца серии выстрелов всего тридцать секунд. Не успел — кланди в колчан оставшиеся стрелы...

По свидетельству исторических хроник, английские стрелки в битве при Креси, случившейся 629 лет назад, выпустили 120 тысяч стрел. Столько же стрел пронзило мишени в июле 1971 года в английском городе Йорке на чемпионате мира, собравшем сотни лучников из многих стран. Битву при Креси выиграли англичане. Спортивную битву в Йорке выиграла москвичка: инженеру Эмме Гапченко вместе с золотой медалью вручили кубок — подарок королевы Великобритании. А в июне этого года на родине легендарного Вильгельма Телля золотую медаль абсолютной чемпионки мира вновь завоевала наша лучница — Зебуниссо Рустамова.

Стрельба из лука у нас в стране — спорт еще молодой: мы вступили в Международную федерацию лучников лишь восемь лет назад. Но на нашем счету уже есть и две чемпионки, и чемпион мира (Виктор Сидорук), и командные женские победы на европейском и мировых чемпионатах, и призовое место на мюнхенской Олимпиаде...

XX век и лук со стрелами — не анахронизм ли? В эпоху царства техники, когда лишь один процент производимой на планете энергии создается мышечными усилиями человека, спорт помогает нам компенсировать недостаток физических движений. Но почему же все-таки лук? Для многих это предлог вырваться из шумного города, лишний способ соприкоснуться с природой. Лук воспитывает выдержку, хладнокровие, волю, развивает силу. Стрельба из лука нелегка. Судите сами: только на соревнованиях стрелок выпускает 288 стрел, каждый выстрел требует усилия до 20 килограммов, то есть в сумме лучник «выжимает» примерно 6 тонн!

Издавна о меткости лучников ходили легенды. Мы знаем о Вильгельме Телле, который спас точным выстрелом жизнь своему маленькому сыну. Король Генрих VIII пронзал стрелой яблоко с трехсот шагов... Сегодня дистанции стрельбы из лука 70, 60, 50 и 30 метров, а для мужчин и 90. Но и теперь стрелы нужно всадить только в «десятку» или «девятку». Попробуйте сделать это, если диаметр «золотого» яблока всего 8—12 сантиметров!

Да, и древнего лука коснулась модернизация, но все так же лаконично его изящество, все так же притягивает человеческую руку упругость тетивы. И, как прежде, неудержим стремительный полет стрелы...

Валентин МАНИОН

Лет двадцать назад крупнейшие композиторы Запада приняли участие в дискуссии о музыке в кинематографе. Присоединившись к бытовавшей тогда оценке киномузыки как «звуковой парфюмерии», англичанин Артур Блисс высказался с суровостью прокурора: «Музыку для фильма должно судить лишь при помощи уха, зажмурив глаза». Француз Анри Согэ, только что закончивший партитуру к «Скандалу в Клошмерле», возражал: «Все мы теперь пишем иначе, чем до кино, а сверяться композитору с секундомером весьма полезно...»

Единственным человеком, отказавшимся пофилософствовать о правах киномузыки, был итальянец Нино Рота. Он уже более пятнадцати лет сочинял музыку для кино и не испытывал комплекса неполноценности по отношению к жрецам «большой» музыки, потому что и сам работал вне экрана.

Штрихи его биографии. Рота родился в Милане 3 декабря 1911 года и первые шаги в музыке сделал под наблюдением матери и двоюродной сестры Титины. Титина была знаменитейшей художницей-костюмершей в «Ла Скала», и не удивительно, что Рота вошел в музыку рано. Одиннадцать лет он поступает в консерваторию. Двенадцати пишет ораторию «Детство Иоанна Предтечи», тут же исполненную в концерте. Четырнадцать — оперу «Принц-Свинопас» на собственное либретто по Андерсену. Позже Нино добавил к музыкальным аттестатам Рима и Филадельфии диплом филолога и снова обратился к классике в опере «Неистовый Роланд» по мотивам Ариосто; в жанре оперетты он пишет вместе с матерью «Флорентийскую соломенную шляпку» (по Лабишу), сочиняет симфонии, камерные произведения.

Но, пожалуй, центр творчества Рота — киномузыка, впервые прозвучавшая с экрана в 1933 году («Народный поезд» режиссера Матараччо). Затем композитор работал с итальянской кинорежиссурой — Кастеллани, Коменчини, Висконти. За пределами Италии — с Кристианом-Жаком (музыка для фильма «Закон есть закон»), с Кингом Видором («Война и мир»). Чаще же творчество Рота связывают с именем Федерико Феллини.

МУЗЫКА ЭКРАНА

Человек, сотканный из музыки

По просьбам читателей

Однажды Феллини не без доли лукавства назвал Нино своим «ангельски коротким другом». «Кротость» Рота означала подчинение музыки фильму режиссерскому замыслу. «Работа Рота, — говорит Феллини, — начинается в момент, когда монтаж картины близится к завершению». Тогда композитор получает режиссерский заказ. Для «Сладкой жизни» он был таков. «Я попросил Рота, — продолжает Феллини, — чтобы музыкальная тема вызвала представление о богатом и в то же время жалком, медленно бредущем караване, что в какой-то мере и представляет собой «Сладкая жизнь». И Рота сочинил мелодию, которая рождает мысль о восточной упадочной роскоши. В остальном музыкальная ткань фильма состоит из уже известных мелодий».

Быть может, в мелодических символах времени, знакомых массам людей, и заключена сила Рота. Вот фильм де Филиппо «Неаполь — город миллионеров». Мотивы, звучавшие на перекрестках Неаполя, обработанные с искусством тонкого психолога, усилили достоверность картины. Ведь, как заметил в свое время Ганс Эйслер, «в кино композитор должен выразить «нечто», но не себя». Разумеется, «нечто» должно быть созвучно композиторскому «я». И галерея музыкальных характеристик героев итальянского и мирового экрана была создана Нино Рота — человеком, по словам Феллини, сотканным из музыки.

Д. БОГОЛЕПОВА

На восьмой звуковой странице музыкальные силуэты «миллионеров» из Неаполя, персонажей феллиниевской «Сладкой жизни», Джульетты и Ромео в шекспировской фреске Дзефирелли, Рокко и его братьев из сотрясаемой конфликтами бедной семьи Пафунди в фильме Висконти, беспощадных и жалких мафиози из картины Фрэнка Форда Кошполы «Крестный отец».

Нино Рота. Шарж Феллини, Рота (слева) и Феллини за работой.

Полин Жюльен говорила тихо, едва слышным голосом, полузакрыв глаза, как бы вспоминая что-то прочно забытое. Было такое впечатление, что она выучила заранее — год за годом — свою биографию и боялась сбиться. Мне это показалось странным, ибо беседа наша состоялась на другой день после концерта Жюльен, начавшегося поистине неукротимой «атакой» канадской певицы. Она стремительно влетела на сцену и начала сразу, «без увертюры» программную «Прекраснейшее путешествие». И по знакомой сцене Московского театра эстрады будто пронесся ветер с просторов реки Святого Лаврентия. С тех самых берегов, где между Квебеком и Монреалем стоит небольшой городок Трехречье, который на наших картах называется без перевода Труа-Ривьер.

Здесь в большой семье, где выросло одиннадцать детей, и родилась Полин Жюльен. Тоненькая смуглая де-

труппа репетировала какую-то пьесу Пиранделло с песенкой. Актриса, певшая песенку, заболела, и — «классический случай» — Полин заменила ее. Последовала «школа шансонье» — знакомство с Вианом, Ферра и другими мастерами жанра. Обогащенная, Жюльен вернулась на родину, сразу войдя в круг строителей квебекской песни — Леклерка, Виньо, Левека.

— Корни франкоязычных предков, — говорит Полин Жюльен, — дают в Квебеке свои побег. Конечно, мы поем о любви, горестях, счастье — о том, что свойственно человеку всех меридианов. Но квебекцы с особой усмешечкой посудачат о персонаже моей песенки «Крылья за спиной» — тетушке Мари-Бланш, решившей вдруг на старости лет вспомнить о проказах юности. Они всплакнут о Бозо — пареньке в шортиках, бесстрашно вышедшем в одиночку против существующих порядков. В на-

ГОСТИ
СССР

В ПЛАМЕНИ РАМПЫ

вочка с сережками в ушах ходила в обычную школу, но тянулась все время к музыке, танцу.

— Меня как-то спросили, — говорила Полин, — где я выучила столько народных песен. Я ответила: «На коленях у мамы».

— Что же вам пела мама?

Жюльен на секунду задумывается, трет лоб.

— Ну вот хоть эту, «взрослую», про разлуку:

Бумага в линейку дорожке кладя
В богатой прекрасной моей Канаде.
А уж в Трехречье дорожке всего:
Невеста не пишет мне ничего...

Не останавливаясь, Полин рассказывает, что ходила заниматься на рояле, к хореографу, но ожидаемых способностей никто не обнаружил, и она попробовала поступать в театр. Сначала в близлежащем Квебеке, затем в Монреале, а потом и в заморском Париже. И тут, в студии на левом берегу Сены, Жюльен села, что называется, на «скамейку запасных», пока

шей поэзии — эхо социальных бурь. Мы живем не в вакууме. Я слежу за прессой, плачу наложи, голосую. Этот «второй план» слышен в песне. Для нас, поэтов Квебека, рампа не подкова из ламп, а костер, бросающий отсветы и на наши леса, на холодные рассветы, на бурлящие города и, главное, на людей, в чьих глазах отражен весь этот мир.

Артем ГАЛЬПЕРИН
Фото автора

На
звуковой
странице
записи Полин Жюльен:
«Прекраснейшее
путешествие»,
(Готьё — Уэллетт),
«Бозо-шортики» (Левек),
«Крылья за спиной»
(Трамблэ — Домпьер).

— Все грустные, говорите, поем. Да ведь они о тяжком сложены. Чуть было тронется море, мужики—на промысел. Это сейчас СРТ, а раньше—елы, шняки. Вот и сидят поморки, ждут, вернется или уже не встретит никогда. Не до радости было. Уже почти сорок лет в небольшом рыбацком поселке Териберка, на северном побережье Кольского полуострова, существует поморский народный хор—хранитель бесценных песенных богатств.

Разные песни поются в хоре—и лирические, и шуточные, и эпические,—но есть у всех у них общие черты, характерные для народной поморской песни: они скромны по диапазону, в большинстве своем одноголосны и в то же время очень емки по эмоциональному звучанию. И еще в них почти непременно присутствует образ моря. Традиции старой поморской песни продолжают жить и развиваться благодаря старосте хора Марии Степановне Селезневой, а также участницам старшей группы, составляющей творческое ядро коллектива. В Териберку их семьи переселились из Беломорья. От отцов и

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Фото
Я. Гробовского

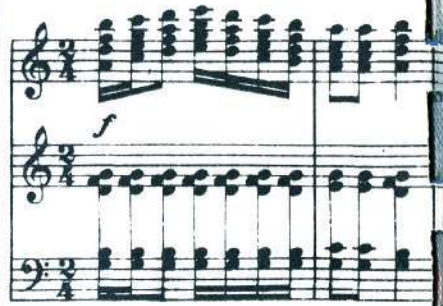
ПЕСНЯ МОРЕ БЕЛОГО

матерей научились они поморским народным песням и в памяти своей хранят их великое множество.

Для большинства из них песня была школой и первой книгой, по которой они учились понимать жизнь, узнавать и любить людей. Они помнят свой поселок в те далекие годы, когда создавался в Териберке первый рыбацкий колхоз, помнят первую поездку хора в Ленинград на олимпиаду художественной самодеятельности... О своем хоре говорят с особой теплотой. Песня словно уносит их в далекие годы юности, вызывает в памяти воспоминания детства, короткую и светлую пору девичества, картины деревенских праздников, обрядов... И молодеют, преобразуются лица женщин...

В. БОБРОВ
г. Североморск

На седьмой звуковой странице певицы из хора села Териберки исполняют две старинные поморские песни: «Из-за устья Лодейного» и «Болит, ноет сердце».

Звучит музыка Вагнера. Мощное фор-тиссимо оркестра сопровождается на экране яркой, многокрасочной палитрой—сплохи огня, устремленные ввысь, вдруг рассыпаются праздничным фейерверком. Звуки и краски создают органический синтез цветомузыкального образа...

Что это? Отрывок из научно-фантастического романа? Нет, цветомузыкальный фильм «Фрагмент оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин», который мы смотрим и слушаем вместе с его автором, художником, сотрудником научно-исследовательского института медицинского приборостроения Львом Николаевичем Мельниковым.

Мельников. Цветомузыку условно можно определить так: «хореография красок». Огненные блики, графические линии и фигуры взаимодействуют с музыкой в небывалом танце. В поисках цветовых образов цветомузыкант осваивает идею, заложенную в музыкальном произведении, и выражает ее специфическим языком цветовой пластики с помощью «цветового органа». Состоит такой орган из двух

ПО СТРАНИЦАМ КЛАССИКИ

6

**ХОРЕОГРАФИЯ
КРАСОК**

ческого оркестра и хора А. Скрябин даже предусмотрел партию цвета.

В 1962 году, почти через полвека после авторского исполнения «Прометея», в концерте, посвященном 90-летию Скрябина, цветовую партию уже «вел» автомат, созданный К. Л. Леонтьевым. Мало кто знает, что еще в 1940 году С. Эйзенштейну удалось осуществить цветомузыкальную постановку «Валькирии» Вагнера в Большом театре.

Мельников. Процесс создания цветомузыкальной композиции сначала

и возникает новый цветомузыкальный образ.

В наши дни наметились три направления практического использования цветомузыки. Первое — ее концертная форма. В столице, например, существуют цветомузыкальные залы при музее Скрябина и в гостинице «Россия», оснащенные новейшей электронной аппаратурой.

Другое направление — массовое искусство: цветомузыкальные фонтаны Еревана и Днепропетровска, «световая панель» в гостинице «Татарстан» и «малиновый звон» в башне Казанского кремля (кстати, в Казани недавно состоялась третья всесоюзная конференция «Свет и музыка»).

И, наконец, инженерная и космическая психология. В настоящее время доказано, что цветомузыкальные композиции могут быть использованы как регуляторы нервно-психического состояния человека. Цветомузыка будет постоянным спутником подводника, полярника, спелеолога, космонавта, так как мир космоса, океана или земных недр эмоционально неполноценен. И человек смо-

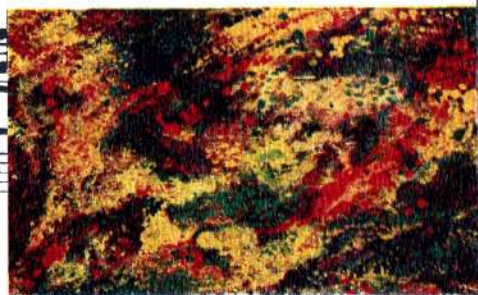
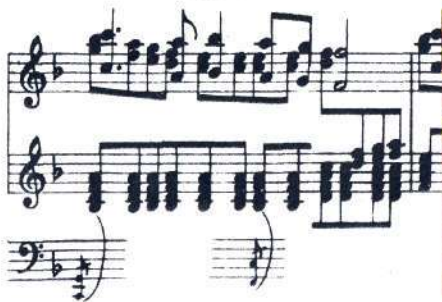
65 Арап танцует
Le maure danse

основных частей: цветовоспроизводящего экрана и пульта управления.

На экране воспроизводится не просто цветограмма, а танец линий и форм в ритме музыки и огромном диапазоне — от отдельных точек до сложной цветовой композиции с графическим рисунком.

Музыканты часто обладают прирожденным «цветным слухом» — синестезией. Римский-Корсаков, Берлиоз, Лист видели цветовую окраску тональности. В партитуре «Прометея» для симфони-

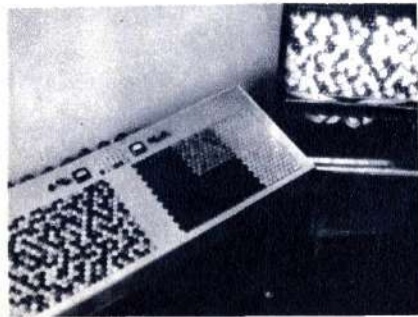

напоминает работу художника (поиск цветообразного решения в эскизе), затем — труд кинематографиста («оживление» статического материала, разработка его в динамике). Запись найденной композиции в виде «нотной» цветовой партитуры делает работу цветомузыканта уже схожей с работой композитора. «Сочиненная» таким образом цветодинамическая композиция исполняется одновременно с музыкой,

жет получить «эмоциональную компенсацию» посредством цветомузыкальных произведений.

Георгий МЕНДЕЛЕВИЧ

На шестой звуковой странице Л. Н. Мельников комментирует эффект цветового сопровождения балета И. Стравинского «Петрушка».

— То еще не настоящий лед, то осенец,— уговаривала Магду старуха.— И до середины реки не доберешься, а он волнами вздыбится под тобой, и канешь без возврата.

Она подходила к Магде все ближе, боясь, что та не дослушает, сойдет на лед и тогда уж никакие уговоры не помогут.

— А говорили, по льду можно перейти на ту сторону,— заколебалась девушка.— Как же добраться до острова? Я не птица— не перелечу.

— Переждать надо. А теперь он разве что детишек на себе выдержит. Вертайся в село, дивчина, вертайся!..

Магда промолчала, и старуха, уверившись, что слова ее не подействовали, вздохнула и погледела по берегу.

До острова вроде бы и близко. Магда ясно различала контуры высокого обрыва и несколько хат, будто сбежавшихся

тельную опасность, они умоляли помочь Магду, село, весь мир.

К середине реки лед становился все тоньше, и девушка уже отчетливо слышала, как под ним шумит река.

Она выросла в степном хуторе, рядом с которым не было даже пруда. С первого же дня жизни здесь река поразила ее, вызвала почтение и страх— коварная стихия, законы которой ей были неведомы.

Магда медленно скользила по льду сначала одной, потом другой ногой. И дыхание задерживала и напрягалась вся, как испуганная птица, каждое мгновение готовая взлететь в поднебесье. Во что бы то ни стало она должна была добраться до Гуршаков. Потому что она, фельдшерица, единственный человек, который может спасти девочку. Она шагнула дальше...

— А-а!..— разнеслось над островом. Крикнуть какое-нибудь слово уже не осмелилась, будто оно могло погубить ее своей тяжестью.

ЛЕДЯНОЙ ОСТРОВ

поглазеть на спеленатую реку. Остров был белым от снега и в морозной дымке казался далеким айсбергом, каким-то чудом зацепившимся здесь за мель. Недаром у деда-прадеда называли его Ледяным.

Магда ступила несколько шагов. Услышала треск. Остановилась. «Поворачивай-ка, пока не поздно,— сказала она себе.— Старуха на этой реке век вековала, знает, что говорит»,— и сделала еще шаг.

Жители острова были объединены в колхозную бригаду, кабель, пролеглий по дну реки, соединял их с правлением. Дважды Гуршаки вызывали по телефону Магду к больной дочке, и дважды ее переправляли на лодке.

Последний раз ночью. Девочка болела дифтеритом. Надо было немедленно везти ее в больницу, а родители все тянули, боясь, что маленькая не выдержит операции. Конечно, они знали, что до острова по льду не дойти. И все равно позвонили. Почувствовав смер-

2

Когда выехали за село, участковый Микитюк остановил мотоцикл и обернулся к Миколе:

— Слышь?

— Чего?

— Село вздохнуло. Избавилось от тебя, как от чумы.

Микола засунул руки в карманы, зло сплюнул и удобней уселся в коляске.

— Тем ты и страшен,— гнул свое Микитюк,— что чем человечней с тобой общаются, тем наглей становишься. Думаешь, я не знаю, что по закону тебя давно следовало под суд отдать? Жаль тебя. Стисну зубы и терплю, все надеюсь, что опомнишься, возьмешься за ум.

Микола хотел отбрехаться шуточкой. Но стерпел. Микитюк говорил правду. Если бы не терпение участкового, кто знает, как сложилась бы Миколина судьба.

— Не так тебя, как отца твоего жалко. Мы с ним вместе росли, знаю, жизнь свою он прожил честно и работает

честно. Человек, одним словом. Но теперь конец, отвезу тебя в отделение, и получиай, что заработал!

Он уже взялся за ручку газа, как вдруг с реки донесся женский крик. Оба вскопили и выбежали на берег. Крик повторился, и острым взглядом своим Микола заметил чуть видную в вечерних сумерках фигуру женщины. Она дошла до середины реки и теперь звала на помощь.

— Я сейчас!— крикнул Микола Микитюку.

Он побегал. Микитюк следом.

— Лед вас не выдержит!— бросил Микола на бегу.— Даже не пробуйте!

Он почти скатился вниз по обрыву. Потом, вспомнив о чем-то, подбежал к загону, в котором летом держали молодняк, и оторвал широкую доску.

«Догадался!»— одобрительно подумал Микитюк. А вслух крикнул:

— Не подступайся к ней близко! Подсунь доску!

Оглянулся на село. Позвать на помощь? В крайних хатах услышали бы, прибежали. Но тут не помогла бы и сотня людей. Река поглотит каждого, кто ступит на лед. Спасти женщину способен разве что этот пацан.

А тем временем Микола несся по берегу туда, где летом была переправа и откуда кричала невидимая в темноте женщина.

3

— Ложись на лед! Ложись!— крикнул он Магде.

Она слышала его голос. Но не ответила. Взгляд ее застыл на зыбкой льдине. И казалось ей, что стоит пошевелиться, как эта серая масса разверзнется под ней и поглотит на веки вечные.

— Сбрось тулуп, Магда! Сбрасывай!

Он бежал по полоске льда, которая покрылась буграми, как наростами. Знал, что лед давний и крепкий, укрепился еще тогда, когда середина реки была вольной.

Магда механически опустила сумку на лед. Расстегнула шубу и спустила ее вдоль тела. В то же мгновение лед треснул, и черная, смешанная со снегом вода омыла ее сапожки, залила тулуп.

Но Микола был уже рядом. Доска легла у самых ног, и Магда ступила на нее, как на спасительную купину. Подхватила сумку.

— Носят тебя черти,— буркнул Микола, снимая ватник.— Еще бы один кожух надела и полпыла бы тогда лебедкой от берега к берегу.

Он подсунул доску под шубу и подтянул ее к себе.

— Не кричи на меня!— обиделась Магда.— Мне все равно надо идти туда.

— Треснуло тут— треснет и в другом месте. Я один раз переправлялся по такому льду... Но с доской, ползком. Так, может, и ты проскочила бы. Тогда вес тела распределяется на большой площади— все по-научному...

— Ты замерз.

— Нет. Это вон участковый замерз. Правда, первым бросился к тебе, да годы его...

— В милицию везет?

— А куда же меня еще повезешь? Давай добежим до крайней хаты, тут

каких-нибудь метров сто. Отогреешься, высушишь сапоги. А мы поедем.

Она хотела спросить, за что участковый арестовал его, но не посмела. Да и зачем, собственно, спрашивать, если на селе только и разговоров, что про его выברי.

— Куда мне возвращаться?— вздохнула.— На Ледяной надо.

Микола отвернулся, снова поглядел на реку, словно прикидывая, стоит ли рисковать.

— Надо спуститься ниже. Там река уже и посередине намела косу, значит, должно было лучше промерзнуть.

От доски Магда отказалась, но, когда добрались до нужного места, зажмурилась и сразу же легла на лед.

Так и ползла, не раскрывая глаз. И весь мир качался под распластанным телом ее, обдавая холодом и дурнотой. Путь на тот берег казался бесконечным. И слезинки, наплывая на ее глаза, замерзали и ледяными камешками падали на губы.

Микола полз неподалеку. Сказанные им слова долетали до нее, хотя смысла их она не улавливала. Но сами звуки вызывали теплую волну успокоения и исчезали где-то в омуте страха.

...Разгадав их замысел, Микитюк вернулся назад. Первое, что ему пришло в голову, крикнуть этим сумасшедшим, чтобы они немедленно возвратились. Но знал: если Магда отважилась ступить на лед второй раз, то назад уж не вернешь. Скинул тулуп, шапку, рукавицы и прошел по льду до тех пор, пока он выдерживал его девяностокилограммовое тело. Если кто-нибудь из них уйдет под лед, он кинется следом и попробует спасти, как это уже не раз делал на своем веку, потому что другого выхода он не видел.

4

Когда Микола вернулся, Микитюк снова сидел на мотоцикле и готов был двигаться в путь.

— А меня не раз спрашивали,— сказал он, разглядывая посиневшее лицо парня,— чего ты, мол, да чего? А я знал, что в тебе еще что-то осталось. Ты не смейся: знал. Родной отец так не верит в тебя...

Вздохнул. Помолчали.

— Магда что, к больной пошла?

Микола снова кивнул и, поеживаясь, сел в коляску.

— Храбрая, ничего не скажешь.— Микитюк нахмурился и отвернулся.— А ты не устраивайся!

Микола удивленно посмотрел на него, но не шевельнулся, принялся доставать сигарету.

— Кому сказал, не устраивайся! Или думаешь, я тебя назад домой отвезу, как барона? Я каждому встречному не обязан объяснять, почему тебя в милицию не довез.

Только теперь Микола понял его. Вышел из коляски. Провел ладонью по заднему сиденью, словно хотел убедиться, что участковый не пошутил, и, сорвавшись с места, что есть духу побежал туда, где вспыхивали первые огоньки в селе.

Перевела с украинского И. Сергеева

Рисунок С. Алимова

«Шо такое?» — с искренним недоумением, веселым скепсисом или лукавым притворством вопрошает Михаил Водяной, выходя на сцену Одесского театра музыкальной комедии. Артист слегка ироничен к своему герою. Он как бы раздваивается: тонкий психологический рисунок персонажа и легкая, но неременная пародийность его. И при этом полная непринужденность, естественность.

Водяной разрушил привычное представление о традиционном опереточном герое. Будучи премьером театра, он, несмотря на свою высокую музыкальность, не певец в привычном смысле этого слова, а прежде всего драматический актер с широким диапазоном сценических средств — от гротеска и буффонады до трагикомедии. Вместе с режиссером М. Ошеровским он внес в классический стиль оперетты моменты современной драматургии и современного языка, чуждых старой оперетте.

Есть актеры, славе которых непременно сопутствует некая «легендарность». К легенде о Михаиле Водяном относится, в частности, то, что его поклонники просто не верят, будто он мог родиться где-нибудь, кроме Одессы, хотя он работает и живет в городе всего 20 лет из своих пятидесяти. Одесса не только оценила обаяние артиста, но и отдала ему свое.

Михаил Водяной родился в Харькове, начал учиться в театральном институте в Ленинграде. В годы войны — концерты перед бойцами на фронте, в тылу, в госпиталях.

ТЕАТР
«КРУТОЗОР»

ВЕСЕЛО... А ЧТО ЗА ЭТИМ?

Потом — Театр оперетты во Львове, и, наконец, с 1954 года — Одесса.

По своему амплу народный артист УССР Михаил Водяной комик-простака, но он чужд пустому комикованию или трюкачеству ради трюкачества. Роль Попандопуло («Свадьба в Малиновке») за десятки лет обросла штампами, а артист — он играет ее уже около двадцати лет — все время ищет новые оттенки речи, психологии своего героя.

Работа над образом Мишки-Япончика из оперетты «На рассвете» была долгой, но интересной. Об одесском налетчике Мишке-Япончике Водяному рассказывал Леонид Утесов, которому приходилось встречаться с Мишкой в те давние времена. Михаил Водяной не преминул воспользоваться этими воспоминаниями в работе над ролью.

Не менее обстоятельной и длительной была работа Водяного над образом императора Павла I (оперетта «Дочь фельдмаршала»). Отыскал массу любопытных фактов, объяснил для себя многое в характере незадачливого самодержца. Обычно Павла играли комически, подчеркивая только его психоз, безграничную нервозность. Водяной представил персонаж как испуганную, не просто драматическую, но трагикомическую фигуру.

Так нелегко обретает М. Водяной кажущуюся легкость и некажущуюся естественность своего поведения на сцене. И хотя артист, напевая и танцуя, смешит, в его игре нет ничего поверхностного. Таков его Дулитл («Моя прекрасная леди»),

незаурядный в изобретательности добыть деньги и даже талантливый в своем роде человек. Это одна из любимых ролей М. Водяного. Он сыграл ее больше двухсот раз и утверждает, что каждый раз находит в ней что-то новое. «Ничего странного, — говорит Водяной, — не часто к нам, актерам оперетты, приходят такие авторы, как Бернард Шоу...»

Такова каждодневная черновая работа артиста «легкого» жанра. Руководитель театра народного артист Украинской ССР Матвей Ошеровский говорит о М. Водяном: «Это мой лучший служащий. В театре нет более дисциплинированного актера».

Нет, не случайно Михаил Водяной, по утверждению театроведов, стал «самым симпатичным актером нынешней оперетты и самым нужным для ее будущего».

Наталья РОСТОВЦЕВА,
Валерий ТИХОВ

На фото Л. Лазарева
Михаил Водяной
в окружении
своих
героев.

На десятой
звуковой странице
народный артист СССР
Леонид Утсов
представляет М. Водяного
в спектаклях
Одесского театра
музыкальной комедии
(«Путь к причалу»,
«На рассвете»,
«Вторая свадьба
в Малиновке»,
«Русский секрет»).

• Вереск—розовые звездочки
• на мохнатых зеленых стеб-
• лях—любимый цветок в Бел-
• лоруссии. В конце лета лес-
• ные поляны превращаются в
• розовый ковер. Цветы верес-
• ка лежат у подножий обелис-
• ков, цветы вереска несут в
• Хатынь—памятник всем по-
• гибшим и каждому погибше-
• му в войну.

• «Вереск» по-белорусски—
• «верасы». Так называется и
• новый белорусский вокаль-
• но-инструментальный ан-
• самбль. Четыре парня, четы-
• ре девушки, все музыканты-
• профессионалы. Руководитель
• Василий Раинчик—вы-

других, в частности на «Пес-
няров». Хотя влияние послед-
них, выраженное в манере
пения, в тяге к белорус-
ской народной песне, было в
свое время плодотворным.
Теперь, когда выработалось
мастерство, появилась необ-
ходимость найти свой репер-
туар, свой тембр звучания,
свою манеру исполнения. С
полным правом можно ска-
зать: «Верасы» взяли точ-
ный курс на пропаганду со-
ветской песни.

И, быть может, на фестива-
ле в Новороссийске, на Мал-
лой земле, у Вечного огня
молодые люди особенно

ЗНАКОМСТВА

• ВЕРАСЫ •

По просьбам
читателей

пускник Белорусской кон-
серватории.

• «Верасы»—это цветы, вы-
• росшие после войны. Стар-
• шему из них нет тридцати.
• Родились они на белорусской
• земле, где погиб каждый чет-
• вертый. Но эти юноши и де-
• вушки поют песни Великой
• Отечественной войны так,
• как будто она для них не
• страницы в учебнике исто-
• рии, а пережитые и запав-
• шие в сердце годы.

• Лауреат V Всесоюзного кон-
• курса артистов эстрады, ан-
• самбль находится в постоян-
• ном творческом поиске. Не
• хочется быть похожим на

остро почувствовали, в каком
неоплатном долгу все мы
перед светлой памятью по-
гибших... Хотя фестиваль не
был конкурсом, участникам
были вручены особые пре-
мии. Одна из них—ансамблю
«Верасы».

Игорь ЛУЧЕНОК
Минск—Новороссийск

На девятой
звуковой странице
в исполнении ансамбля
«Верасы» две песни:

• «Колыбельная»
(О. Фельцман, Р. Гамзатов),
• «Даешь Амур, даешь
Байкал»
(В. Шайнский, Л. Ошанин).

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **От Боярки корчагинской...** Песня-репортаж о БАМЕ.
2. **Аванте—значит вперед!** У микрофона Генеральный секретарь Португальской компартии Алваро Куньял.
3. **Дело мастера боится.** Рассказ старого часовщика.
4. **Себя преодолеть.** Говорят чемпионы по стрельбе из лука.
5. **«И вновь волнения не прячу».** Стихи Сергея Дрофенко.
6. **Хореография красок.** Фрагмент балета И. Стравинского «Петрушка» с комментариями эффе́кта цветového сопровождения.
7. **Песни Беломорья:** «Из-за устья Лодейного» и «Болит, ноет сердце».
8. **Музыка Нино Рота.**
9. **Ансамбль «Верасы»:** «Колыбельная» (О. Фельцман, Р. Гамзатов), «Даешь Амур, даешь Байкал» (В. Шаинский, Л. Ошанин).
10. **Михаил Водяной в опереттах** «Путь к причалу», «На рассвете», «Вторая свадьба в Малиновке» и «Русский секрет».
11. **Поэт Полин Жюльен** (Канада).
12. **Михаэла Михай** (Румыния): «Когда б ты был», «Весна, весна».

©ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице
обложки:
«От Боярки до БАМа»
Рисунок
А. Борисова

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
30/VI 1975 г.
Б 00437 Подп. к печ.
8/VII 1975 г.
Формат 60×84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 825. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО
Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),
И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер).
Технический редактор Л. Е. Петрова.

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25
«Кругозор»

Все чаще задумывался старый мастер, сидя возле маленького токарного станочка, и рука его, державшая резец-грабштихель, опускалась. Вал с зажатым деталью вращался бесшумно и бесполезно.

В такие минуты Борис Илларионович Алексеев видел мастерскую в городе Кирсанове, угол, огороженный фанерными ширмами, где сосредоточенно работал мужчина с ярко-рыжим венчиком волос вокруг сверкающей лысины. Это знаменитый часовой мастер Муравьев, человек, которого подмастерье Борис Алексеев любит и ненавидит одновременно.

Вот Муравьев поднимает голову, сдвигает на лоб лупу, манит его веснушчатым, как у всех рыжих, пальцем.

— Видишь колесо? Чье?

— Швейцарское от ходила, — не задумываясь, отвечает Борис.

— Так, — соглашается Муравьев, — колесо есть. А как узнать размер коромысла вилки?

Борис молчит. Он не знает. — Этот секрет стоит 15 рублей, — говорит Муравьев, и на мрачном его лице появляется что-то вроде улыбки. Он знает, сумасшедший мальчишка опять будет работать ночи напролет, чтобы купить у него очередной секрет. Муравьев

развлекался. Он продавал подмастерью профессиональные тайны. Постепенно — от маленьких рублевых секретов до серьезных, как сборка и ладка хода часов.

Но вот в мастерской появился важный заказ: ремонт американского тумбового патефона. В механизме не хватало лишь одной шестерни, но какой! Той, что вращала диск. Никто не мог сказать, из чего было сделано колесо, каков его диаметр, сколько зубьев. Промаявшись месяц, Муравьев вынужден был отказаться.

Оставаясь по ночам в пустой мастерской, Борис подходил к патефону, снимал диск, осматривал вал и червячную передачу. Загадка нестерпимо мучила его, как болезнь.

Однажды в мастерскую принесли неведомый заграничный материал. Он был легкий, упругий, коричневого цвета и назывался фибра. Борис ку-

В ЧЕЛОВЕКЕ НЕ БЕЗ ЧУДА

МАСТЕР

пил пластинку. Чудилось, что между ею и патефоном есть связь. Из пластинки он сделал шестерню. Колесо вышло совершенно бесшумным—редкостная удача, если б он знал, как ее использовать.

Работа зашла в тупик, угадать количество зубьев было невозможно. Без мысли, скорее по привычке, взял он в руки диск, из которого собрался резать очередную шестерню, надел на вал, стал подкручивать пальцами червячную передачу. Ребра червяка задевали край диска, и тот вращался. Вдруг Борис замер, открыв рот, вытаращив глаза. Он увидел слабый след, оставленный

на фибре желобком червяка. Это была разметка зубьев!

В семь утра Борис Алексеев впервые в жизни услышал голос Шаляпина. Пораженный невероятной красотой звука, он снова и снова переносил иглу к началу пластинки.

Хлопнула дверь. На пороге стоял Муравьев. Некоторое время они смотрели друг на друга. Шаляпин прерывающимся от ужаса голосом выводил: «...и мальчики кровавые в глазах...». Муравьев

сжимал и разжимал кулаки. Он уже понял, что проторговался и перед ним человек, шагнувший за его, муравьевские, рубежи.

В то утро Борис впервые прислушался к чему-то внутри себя и вдруг осознал, что он мастер и все вокруг, даже само время, подвластно его рукам...

Мудрость профессии и прожитых лет вытеснила юношескую радость всемогущества. Сейчас мастер знал: часы—лишь колесо при бегущей воде. И его тревожило, что дело его жизни не было еще закончено. Знания, переданные по живой цепочке от мастера к мастеру из трехсотлетней давности, оставались в нем, не находя выхода.

На третьей звуковой странице рассказа о времени продолжает часовых дел мастер Борис Илларионович Алексеев.

3

Мастер ждал ученика. Он даже отчетливо видел этого мальчишку—упрямого, работающего настырно, так похожего на него. Борис Илларионович улыбался, представляя себе, как постепенно, словно преодолевая сопротивление, будет отдавать он ученику свои знания. Здесь нельзя спешить. Каждый секрет ремесла должен быть взят как бы с бою, тогда он не потеряется, не пропадет.

Мастер сидел в своей комнате среди часов, родившихся двести и более лет назад, уникальных механизмов, которым он умел возвращать жизнь. Они тикали, били четверть часа, на разные голоса отпевая уходящее время. Мастер улыбался. Он верил, что настоящий ученик идет к нему. Потому что прекрасно его ремесло, нужное людям. Он думал также, сколь прекрасны голоса времени. Жаль, что люди привыкли и перестали удивляться этому чуду...

И. ЦЫБУЛЬСКИЙ
Фото
автора

И ВРЕМЯ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Румыния

Впервые это имя появилось на наших афишах, возвещавших о международной песенной программе «Мелодии друзей-75». Цифра «75» в первую очередь и определила репертуар, представленный Михаэлой Михай на суд советской публики. В балладах, которые она поет, отражен сегодняшний мир нашего современника с его заботами и радостями.

Выступать на эстраде Михай начала десять лет назад. До этого она окончила Бухарестскую консерваторию по классу пения и дирижирования. Готовилась выйти на оперную сцену, но... ее привлек микромир эстрадной песни, где можно в течение короткого вечера поведать слушателям множество историй. Правда, интерес к опере у певицы остался. Хотя теперь уже как у зрителя. «Я столько слышала о Большом театре,— говорит певица,— что в период своих московских гастролей в свободное время послушала «Тоску» и «Кармен». И это была настоящая радость».

Михаэла—участник нескольких международных конкурсов и фестивалей. Она получила первую премию на фестивале в бельгийском городе Кнокке, была лауреатом конкурсов «Золотой олень», «Золотой Орфей» и фестиваля в Сопоте.

У Михай мягкий, низкого тембра голос большого диапазона. Она невысока ростом и выглядит очень юной. Глядя на нее, никогда не скажешь, что это зрелый мастер, певица, много лет поющая на эстраде. Когда мы коснулись в разговоре ее зарубежных гастролей, она перечислила множество стран, где ей пришлось побывать, и добавила с улыбкой: «Детям моим будет сравнительно нетрудно изучать географию: наглядным пособием им будут служить наклейки на моих чемоданах».

Десять лет на эстраде—это и много и мало. Звезда многих эстрадных певцов за такой срок успевала закатиться. Звезда Михаэлы Михай продолжает сиять сильно и ровно.

Цена 1 руб.

12

**МИХАЭЛА
МИХАИЛ**

Светлана ЧЕКРЫГИНА